

— Когда в свое время на семью Цан пало обвинение в измене, ты думаешь, кто изо всех сил старался их спасти? Все эти разговоры о милосердии покойного императора и указе о помиловании — всего лишь мои выдумки!

Ли Цзи смотрел на него, в глазах затуманилась пелена:

— Цан Сянсюнь, сейчас все сановники называют меня тираном, народ клеймит меня жестоким, и это правда, я признаю. Но ты, Цан Сянсюнь, только ты!

С икотой он, шатаясь, поднялся и, указывая пальцем на Цан Сянсюня, прошипел:

— Пусть мир говорит обо мне что угодно, пусть ругает и насмехается, но ты не имеешь права.

— Только ты, только ты, Цан Сянсюнь, не имеешь права.

Цан Сянсюнь схватил его руку, в темных глазах бушевали скрытые эмоции, но вскоре все успокоилось.

Он спокойно произнес:

— Ваше Величество, вы пьяны.

— Я не пьян. — Ли Цзи оттолкнул его и упал в мягкое кресло, бормоча:

— Оказывается, все это было моей односторонней привязанностью.

— Я устал, я больше не хочу играть с вами. На самом деле, я думал, Цан Сянсюнь, раз у тебя в руках армия, почему бы тебе не воспользоваться моментом и не поднять мятеж? Это дало бы мне покой.

Цан Сянсюнь нахмурился:

— Что?

Ли Цзи усмехнулся:

— Молодой император — тиран, генерал Цан избавляет народ от зла. Это будет оправданным поступком, и тебе не придется нести клеймо цареубийцы.

Не дождавшись ответа, Ли Цзи взял кувшин с вином, наливая себе, продолжал:

— Если ты беспокоишься, я завтра казню еще нескольких сановников, чтобы облегчить тебе задачу... М-м!

Его слова оборвались, когда губы его были внезапно захвачены. Ли Цзи широко раскрыл глаза, не успев среагировать, как зубы его были разжаты, и он был вынужден поддаться настойчивому поцелую.

Поцелуй Цан Сянсюня был грубым и властным, с примесью гнева, полностью захватывающим, не оставляя ни малейшей возможности сопротивления.

Когда поцелуй закончился, Цан Сянсюнь прижал его к креслу, пристально глядя в слегка затуманенные серые глаза.

Ли Цзи вздрогнул под его взглядом, инстинктивно попытался уклониться, но подбородок его был схвачен.

Цан Сянсюнь медленно приближался, одно колено упиралось между его ног. Сердце Ли Цзи бешено заколотилось, но он старался сохранять спокойствие:

— Ты... что ты задумал?

Цан Сянсюнь наклонил его голову и глухо произнес:

— Как вы и сказали...

— Мятеж.

Цан Сянсюнь с детства занимался боевыми искусствами и провел почти десять лет в армии, поэтому справиться с молодым императором, выросшим в дворцовых стенах, было для него проще простого. Ли Цзи не мог ему противостоять и быстро потерял силы.

Эта внезапная близость, казалось, застала обоих врасплох. Действия Цан Сянсюня, наполненные яростью, вызывали у Ли Цзи тревогу. Он лежал в кресле, полуподчиняясь, изредка запрокидывая голову и тяжело дыша, сквозь зубы выкрикивая:

— Цан Сянсюнь, остановись, или я... я убью тебя.

Цан Сянсюнь нахмурился, неконтролируемые садистские наклонности в нем достигли предела. Он ввел палец в рот Ли Цзи, играя с его языком.

— Цан... м-м...

Слюна не успевала проглатываться, стекая по подбородку. Движения Цан Сянсюня становились все жестче, пока Ли Цзи не вцепился зубами в палец, пока во рту не появилась кровь.

Когда палец был вынут, Ли Цзи выплюнул кровь и, прерывисто дыша, произнес:

— Цан Сянсюнь, ты... ты осмелился подняться против императора! Если ты не поднимешь мятеж сегодня, однажды ты пожалеешь об этом!

— Как подданный, я должен дать вам понять разницу между односторонней привязанностью и взаимной любовью.

— Кто... кто с тобой в любви? Убирайся!

Цан Сянсюнь промолчал, его движения становились все жестче.

Молодой император застонал, больше не в силах сдерживаться, серые глаза полузакрылись, затуманившись влагой.

На следующий день на границе вспыхнул кризис, но молодой император так и не появился на совете. Сановники подали петицию, прося князя Цан Сянсюня возглавить войска для отражения врага. Узнав об этом, Цан Сянсюнь молча вернулся на северо-запад, повел восемь тысяч отборных солдат в поход.

Проснувшись, Ли Цзи узнал об этом и чуть не разбил нефритовую печать от ярости:

— Ему мало проблем? Я еще не отдал приказ, а он уже самовольно ушел! Наглый и высокомерный, своими заслугами затмевает императора! Неужели он хочет попасть в ловушку этих старых консерваторов?

Слуга Сюй не осмелился говорить, молча стоял рядом, ожидая, пока император выплеснет гнев. Затем он сделал полшага вперед и тихо сказал:

— Ваше Величество, перед отъездом генерал Цан поручил мне передать вам послание.

— Что он сказал?

— Он сказал только два слова: «Жди меня».

Услышав это, молодой император задрожал от гнева:

— Пусть катится ко всем чертям!

В зале Янсиндянь было перевернуто все вверх дном. Ли Цзи сидел в кресле, пытаясь успокоиться, и через некоторое время холодно приказал слуге:

— Передайте мой указ: всех чиновников, подавших петицию с просьбой о войне, бросить в тюрьму. Если с генералом Цаном на границе что-то случится, я заставлю их всех разделить его участь.

В 568 году эры Цинли, на северо-западной границе, только что выпал свежий снег.

Топот копыт и ржание лошадей разорвали небеса. На спине коня человек с тремя стрелами в теле добрался до лагеря.

— Генерал!

Едва достигнув палатки, черный конь резко остановился, человек свалился с седла, прополз несколько шагов, прежде чем его подняли солдаты у входа.

Из палатки вышел человек с серьезным выражением лица.

— Что случилось?

— Генерал, враг атаковал в тридцати ли к востоку от города!

Едва он закончил, другой разведчик прискакал с новостями:

— Генерал Цан, к югу от города обнаружены крупные силы врага, на западе также замечены подозрительные движения.

— Докладываю, на западе появился враг, не менее трехсот человек, заместитель генерала Чжоу повел отряд в бой!

— Докладываю, враг к востоку от города находится в десяти ли от нашей границы!

— Сколько их?

— Около тридцати тысяч!

Услышав это, Цан Сянсюнь нахмурился:

— Отправьте за подкреплением.

Он схватил коня разведчика, вскочил на него и приказал:

— Передайте приказ: все войска отступают в город, держать оборону! Пока подкрепление не придет, не вступать в бой!

— Есть!

— Чего вы ждете! — Молодой император вскочил, глаза полыхая гневом:

— На границе кризис, а вы все это время бездействовали! На что вы вообще годны!

— Ваше Величество, подкрепление уже отправлено, — один из сановников вышел вперед, серьезно произнес:

— Сейчас как раз начался снегопад, армии трудно продвигаться. Пожалуйста, отправьте письмо генералу Цану, чтобы он продержался еще один день.

— Какой снег? Какие горы? — Ли Цзи яростно кричал:

— Я прекрасно знаю, что у вас на уме!

Он холодно смотрел на сановников и произнес:

— Я повторяю: если граница падет и с генералом Цаном что-то случится, я заставлю всех вас разделить его участь.

— Генерал, восток пал!

— Генерал, юг пал!

— Генерал, враг уже у стен города! Отряд заместителя генерала Чжоу еще не вернулся, скорее всего, он погиб!

— Где подкрепление?

— Еще... еще не прибыло.

Ждать больше нельзя.

Цан Сянсюнь с мрачным лицом, сжимая серебряный меч, вскочил на коня:

— Открыть ворота!

— Генерал, враг превосходит нас числом, если открыть ворота, это будет самоубийство...

— Открыть!

Закрытые ворота внезапно распахнулись. Один человек на черном коне, с мечом в руке, в одиночку врезался в ряды врага. Вскоре из ворот вышли тысячи солдат, крики битвы разнеслись по небу.

В тот год северо-западная армия, защищая город, сражалась до последнего, уничтожив тридцать шесть тысяч врагов.

В тот год Цан Сянсюнь, получив двенадцать ранений, не упал, пробрался в стан врага, схватил их генерала, отрубил ему голову и бросил в воздух, чтобы поднять боевой дух.

В тот год из восьми тысяч солдат осталось лишь тридцать. Из вернувшихся девятнадцать потеряли конечности, десять были тяжело ранены, а главнокомандующий Цан Сянсюнь лежал без сознания, его судьба была неизвестна.

В тот год тысячи гробов были доставлены в столицу на повозках, народ смотрел на них с печалью. Молодой император в белых одеждах встретил их вместе с сановниками.

Во внутренних покоях слуга Сюй сменил благовония и, повернувшись к человеку у кровати, сказал:

— Ваше Величество, вам нужно отдохнуть, нельзя все время дежурить здесь.

— Я не устал, — Ли Цзи смотрел на человека на кровати, дрожащими пальцами проводя по его бровям, глазницам, губам.

— Мне не следовало отпускать его.

Он закрыл лицо руками, губы дрожали:

— Мне следовало отозвать его указом, а если бы он не вернулся, связать и силой притащить обратно...

Двенадцать ран, целых двенадцать.

Он видел эти раны, разорванную плоть, обнаженные кости. Он не мог представить, насколько это больно, только сжимал его руку и смотрел, как врачи сшивали их, разъединяли и снова сшивали.

Некоторые раны начали гноиться, источая зловоние, но человек на кровати не подавал признаков жизни.

Врач вздохнул, убрал иглу и сказал, что если генерал Цан не проснется этой ночью, шансов на спасение почти нет.

Молодой император схватил чашку со стола и швырнул ее в стоящего на коленях человека, крича:

— Неумеха!

<http://bllate.org/book/15411/1362809>